

DOI: 10.55959/MSU0130-0083-8-2024-65-3-27-44

Г.И. Баязитова

**«САМОДЕРЖАВИЕ ЕСТЬ НАИЛУЧШЕЕ ПРАВЛЕНИЕ»:
К ВОПРОСУ О ПОНЯТИЙНОМ АППАРАТЕ
ТРАКТАТА «ПОЛИТИКА, ПОЧЕРПНУТАЯ
ИЗ СВЯЩЕННОГО ПИСАНИЯ» Ж.-Б. БОССЮЭ
(ПРОБЛЕМЫ РУССКОГО ПЕРЕВОДА)**

G.I. Bayazitova

**“AUTOCRACY IS THE BEST FORM OF GOVERNMENT”:
ON THE CONCEPTUAL FRAMEWORK OF J.-B. BOSSUET’S
TREATISE *POLITICS DRAWN FROM THE VERY WORDS
OF HOLY SCRIPTURE* (ISSUES WITH THE RUSSIAN
TRANSLATION)**

Аннотация. В XVIII в. в России был переведен целый ряд западноевропейских политических трактатов, что во многом повлияло на формирование политического языка. Переводчики зачастую использовали прямое калькирование и заимствования терминологии из европейских языков, однако во второй половине XVIII в. стал всё больше проявляться языковой пуризм и связанные с ним попытки создания собственной политической терминологии. Другой тенденцией было существование диглоссии: нередко в самих переводах авторы могли использовать церковнославянские обороты наряду с современным им русским языком. В начале XIX в. языковой пуризм становится аргументом защитников консервативного политического курса и одновременно продолжающиеся заимствования европейских политических идей дают возможность говорить о сильной либеральной составляющей в общественно-политической жизни России. В статье представлены результаты исследования перевода на русский язык трактата французского епископа Жака-Бениня Боссюэ «Политика, выведенная из самых слов Священного Писания» священником Морского Богоявленского

Гульнара Ильгизовна Баязитова, кандидат исторических наук, доцент кафедры международных отношений и регионоведения Тюменского государственного университета

Gulnara Il’gizovna Bayazitova, PhD Candidate in History, Associate Professor, Department of International Relations and Regional Studies, Tyumen State University

g.bajasitova@mail.ru

ORCID: 0000-0003-2858-9518

собора Иваном Ивановичем Бедринским в 1802 г. в контексте политических тенденций того времени. Издание трактата в Императорской типографии показывает, что данный перевод претендовал на особое место в интеллектуальном пространстве российского государства. Автор статьи выявляет основные политические концепты трактата Боссюэ, нашедшие отражение в переводе Бедринского: концепция власти, договорная концепция происхождения государства, идея общего блага. Объясняется и отсутствие в русском издании ряда сюжетов оригинала, связанных с особым статусом монарха в Российской империи, в частности, это рассуждения французского мыслителя о тирании, о престолонаследии, о воспитании государя, а также сопротивлении государю. Значение изучаемого перевода возможно определить, если обратить внимание на политический контекст, в котором он появился, особый общественный климат в среде русского образованного дворянства и, наконец, личные мотивы переводчика, которые представлены в прошении Бедринского о введении его перевода в учебный процесс в народных училищах.

Ключевые слова: политические трактаты, Ж.-Б. Боссюэ, И.И. Бедринский, политическая терминология, политический язык XVIII в., пуризм.

Abstract. In the 18th century, a number of Western European political treatises were translated in Russia, significantly influencing the formation of political language. Translators often used direct calques and borrowed terminology from European languages. However, in the second half of the century, linguistic purism and related efforts to create indigenous political terminology became increasingly prevalent. Another trend was the existence of diglossia: translators often used Church Slavonic expressions alongside modern Russian in the same translations. At the beginning of the 19th century, linguistic purism became an argument for supporters of conservative political policies. Simultaneously, the ongoing borrowing of European political ideas indicates a strong liberal element in Russia's socio-political life. This article presents the results of a study on the Russian translation of the French bishop Jacques-Bénigne Bossuet's treatise *Politics Drawn from the Very Words of Holy Scripture* by Ivan Ivanovich Bedrinskiy, a priest of the Epiphany Naval Cathedral, in 1802, in the context of the political trends of that time. The publication of the treatise in the Imperial printing house shows that this translation aimed for a special place in the intellectual space of the Russian state. The author of the article identifies the main political concepts of Bossuet's treatise, reflected in Bedrinskiy's translation: the concept of authority, the contractual theory of the origin of the state, and the idea of the common good. The omission of several themes from the original in the Russian edition can also be explained, particularly those related to the monarch's special status in the Russian Empire. This includes Bossuet's discussions on topics such as tyranny, succession, the education of the sovereign, and resistance to the sovereign. The significance of the translation can be understood by examining the political context in which it emerged, the distinctive public climate among the Russian educated nobility, and the personal motivations of the translator. These motivations are reflected in Bedrinskiy's petition to have his translation included in the educational curriculum of public schools.

Keywords: political treatises, J.-B. Bossuet, I.I. Bedrinskiy, political terminology, eighteenth-century political language, purism.

* * *

Проблема перевода зарубежных трактатов XVII–XVIII вв. на русский язык касается довольно известной и популярной в настоящее время темы формирования российской политической мысли в XVIII–XIX вв. В последние несколько лет в издательстве «Новое литературное обозрение», в сериях “Historia Rossica”, «Интеллектуальная история» одна за другой вышли несколько коллективных монографий, которые фокусируются на развитии разных аспектов политической мысли и политического языка в Российской империи. Первым таким сборником исследований по исторической семантике и истории понятий стала коллективная монография «Понятия о России». В ней авторы анализируют понятия, появившиеся в российском общественно-политическом дискурсе начиная с XVII в. Сами авторы (А. Миллер, Д. Сдвижков и И. Ширле) позиционировали монографию как сжатую программу по исследованию ключевых понятий России имперского периода¹.

Вслед за этим проектом появились новые исследования, которые расширили и дополнили его хронологически, фактологически и сюжетно. Часть исследований фокусируется на идейно-политической составляющей, такой как республиканская политическая традиция, начиная со Средневековья до конца XX в.² К. Бугров и М. Киселев подробно разбирают термин “*res publica*” и соотношение понятий «республика» и «монархия» в русской переводной литературе XVIII в.³ Кроме того, они фиксируют базовые приемы адаптации иностранных терминов в русском языке: транслитерирование, калькирование и подбор эквивалента из русского языка⁴. В 2022 г. выходит коллективная монография «Лаборатория понятий» под редакцией С. Польского и В. Ржеуцкого, во введении которой авторы приводят впечатляющую статистику и контекст изданий переводов европейских трактатов на русский язык, основываясь на нескольких разных подходах к изучению перевода/переноса отдельных по-

¹ Миллер А. И., Сдвижков Д. А., Ширле И. «Понятия о России»: к исторической семантике имперского периода // «Понятия о России»: К исторической семантике имперского периода. Т. 1. М., 2011. С. 5.

² Res Publica: Русский республианизм от Средневековья до конца XX века: коллективная монография / Под ред. К.А. Соловьева. М., 2021.

³ Бугров К.Д., Киселев М.А. Республиканская идея в России в век Просвещения // Res Publica: Русский республианизм от Средневековья до конца XX века. С. 311–398.

⁴ Там же. С. 320.

литических понятий и создании новой социально-политической терминологии⁵. Н. Плавинская на примере переводов на русский язык трактатов Беккария и Монтескье делит политические понятия на архаизированные и модернизированные⁶. В. Истратий исследует правовую терминологию английских переводных источников и убедительно показывает, что терминология постепенно менялась от архаизированной к модернизированной⁷. К. Осповат в своем труде пишет о соотношении литературы и политики в елизаветинскую эпоху. Главным тезисом К. Осповата, вслед за Г. Гуковским, Ю. Лотманом и В. Живовым, является тезис о влиянии государственных регламентов и политического мышления на литературу⁸. Важной с точки зрения исследования двуязычия, диглоссии, пуризма и языковой лояльности представляется монография Д. Оффорда, В. Ржеуцкого и Г. Арджент о влиянии французского языка на российское общество, культуру и литературу. В ней поднимаются вопросы о двуязычии русского просвещенного общества, об обучении детей французскому языку, процессе европеизации русской элиты, о нарративах опасности двуязычия, которые появились в XIX в.⁹ Авторы обращаются к междисциплинарности и описывают методологию исследования как соединение истории и социолингвистики. Они отмечают, что в начале XIX в. «русский язык политический был недостаточно развит»¹⁰.

Другим направлением в исследованиях понятий и общественно-политических идей является рассмотрение контекста их появления, циркуляции и трансформации. Авторы анализируют появление нового политического языка или «языков» в связи с необходимостью объяснения/легитимации тех или иных событий и недостаточностью в русском языке понятий для этого. В таком ключе рассуждает

⁵ Польской С., Ржеуцкий В. Перевод и развитие политического языка в России XVIII века // Лаборатория понятий: перевод и языки политики в России XVIII века: коллективная монография / Под ред. С.В. Польского и В.С. Ржеуцкого. М., 2022. С. 7–103.

⁶ Плавинская Н. Политическая лексика в русских переводах Монтескье и Беккариа // Лаборатория понятий: перевод и языки политики в России XVIII века. М., 2022. С. 196–215.

⁷ Истратий В.В.. Юридическая лексика в русском языке второй половины XVIII века (на материале перевода трактата У. Блэкстона «Истолкования аглинских законов» 1780–1782 гг.). Дисс. ... канд. филол. наук. СПб., 2017; Круглов В.М., Истратий В.В., Гамирова Д.Р., Каплан Е.Д. Нормативно-стилистические пометы в толковых академических словарях русского языка. СПб., 2015.

⁸ Осповат К.А. Придворная словесность. Институт литературы и конструкции абсолютизма в России середины XVIII века. М., 2020.

⁹ Оффорд Д., Ржеуцкий В.С., Арджент Г. Французский язык в России. Социальная, политическая, культурная и литературная история. М., 2022.

¹⁰ Там же. С. 136.

С. Польской, исследуя причины появления «Правды воли монаршей» (1722 г.) и «Наказа» (1767 г.)¹¹. Подробный исторический контекст появления «Философического письма» П.Я. Чаадаева представлен М. Велижевым. Здесь автор концептуализирует языковой и политический контекст и доказывает, что монархический язык достаточно быстро трансформировался в язык оппозиции, и интенция Чаадаева, выраженная в его произведении, свидетельствует о радикальных изменениях языкового и политического контекста¹². Более подробно микроконтексты «Философического письма» М. Велижев описал в отдельной монографии¹³.

А. Мартин пишет о политическом контексте формирования русской консервативной мысли в царствование Александра I: «... постепенное развитие гражданского общества при Александре I способствовало развитию русского консерватизма»¹⁴. Он показывает, что проблемой словоупотребления и формирования политического языка в это время интересовались многие авторы, в том числе консервативного толка. В качестве примера он приводит биографию адмирала А.С. Шишкова, который занимался языкознанием и видел в церковнославянском языке основу современного русского языка¹⁵. А его полемика о русском языке с Н.М. Карамзиным стала значимым событием начала XIX в. Считается, что Карамзин был апологетом французского языка и человеком, демонстрировавшим западнические взгляды, в то время как Шишков представляется одним из ранних русских консерваторов. Однако исследователи убедительно показывают, что взгляды Карамзина и Шишкова на роль и место русского языка в российском обществе были очень близки. Оба выступали за активное внедрение русского языка, ограничение французского в процессе обучения и воспитания подрастающего поколения¹⁶.

В данной статье предпринят анализ перевода на русский язык труда французского епископа и политического мыслителя Жака-

¹¹ Польской С. «Истязание по натуральной правде»: легитимация насилия и становление рационального политического языка в России XVIII века // Кембриджская школа: теория и практика интеллектуальной истории / Сост. Т. Атнашев, М. Велижев. М., 2018. С. 409–483.

¹² Велижев М. Язык и контекст в русской интеллектуальной истории: первое «Философическое письмо» Чаадаева // Кембриджская школа: теория и практика интеллектуальной истории. С. 500–521.

¹³ Велижев М. Б. Чаадаевское дело. Идеология, риторика и государственная власть в николаевской России. М., 2022. С. 22–37.

¹⁴ Мартин А. Романтики, реформаторы, реакционеры: русская консервативная мысль и политика в царствование Александра I. СПб., 2021. С. 17.

¹⁵ Там же. С. 50.

¹⁶ Оффорд Д., Ржеуцкий В.С., Арджент Г. Указ. соч. С. 610.

Бениня Боссюэ (1627–1704) «Политика, выведенная из Священного Писания», выполненная Иоанном Иоанновичем Бедринским. Этот перевод не получил пока должного внимания со стороны исследователей, что кажется необычным для такого источника. Ведь, с одной стороны, работа Бедринского вполне вписывается в общий контекст и парадигму русской переводной литературы второй половины XVIII в., т.е. является вполне типической. Но с другой, время появления данного перевода — 1802 г. Хронологически это уже не XVIII в., но тематически еще не XIX в. Представленное сочинение фактически оказалось в ситуации смены мировоззренческих парадигм, а именно: от ужесточения политического режима при Павле I к надеждам на либерализацию политического режима, которая характерна для начала царствования Александра I.

К тому же И.И. Бедринского волновал не столько сам перевод, сколько введение его в разряд учебной литературы в народных училищах, что ставило бы «Политику» в один ряд с книгой И.И. Фельбигера «О должностях человека и гражданина», которая вышла в 1783 г. по указу императрицы Екатерины II и была определена к «чтению в народных училищах»¹⁷. Поэтому мы исследуем «Политику» в контексте мотивов и действий автора перевода и определяем место, которое она могла занимать в идейно-политическом поле начала XIX в.

Рассматриваемый перевод в стилистическом плане — яркий образец диглоссии, при которой переводчики использовали модернизированные термины оригинала, а также пытались сформировать собственный язык политических понятий, отличный от европейского. С. Польской в этой связи пишет: «Переводческие практики в эту эпоху (XVI–XVII вв. — Г.Б.) стали своеобразной лабораторией по формированию политического языка в России. Сталкиваясь каждый раз с препонами в виде неизвестных русской действительности явлений (*parliament*, *constitution*, *États généraux* и так далее) или, что еще страшнее, с казуистикой абстрактных терминов (*res publica*, *stato*, *jus naturalis*), русские переводчики вступали на тернистый путь толкования своим соотечественникам новых понятий»¹⁸. Таким образом, мы будем изучать перевод Бедринского с точки зрения его происхождения, мотивов и целей и их влияния на формирование языка политических понятий в России начала XIX в.

¹⁷ О должностях человека и гражданина, книга к чтению определенная в народных училищах Российской империи, изданная по Высочайшему повелению. СПб., 1805.

¹⁸ Польской С. Рукописный перевод и формирование светского политического языка в России // Лаборатория понятий: перевод и языки политики в России XVIII века. С. 241.

Автором оригинального французского текста является Жак-Бенинь Боссюэ, епископ Мо, наставник Великого дофина Людовика, сына Людовика XIV, известный своими многочисленными теологическими и политическими трудами, среди которых трактат «Политика» занимает особое место. Известно, что Боссюэ работал над этим трактатом длительное время, с большим перерывом, с 1670-х гг. до самой своей смерти в 1704 г. Первое издание вышло в 1709 г., уже после смерти епископа.

Трактат был написан для Великого дофина и посвящен ему, как и ряд других произведений Боссюэ. «Политика» должна была завершить образование Великого дофина и подготовить его к государственной деятельности как достойного преемника Людовика XIV. Но Великий дофин скончался раньше своего монаршего отца: его не стало в 1711 г.

В России сочинения Боссюэ представлены, главным образом, в Российской национальной библиотеке в Санкт-Петербурге, в Российской Государственной библиотеке в Москве. В РНБ хранится экземпляр первого парижского издания 1709 г. и, судя по описанию хранения, этот экземпляр принадлежал лично Великому дофину, гербовый экслибрис которого он содержит¹⁹. Его появление в России, вероятно, связано с судьбой библиотеки Залуских (Варшава), имевшей старинные и раритетные манускрипты и экземпляры изданий знаменитых сочинений.

Можно утверждать, что и в первой четверти XIX в. в среде русской аристократии к мнению Боссюэ продолжали обращаться в первую очередь как к церковному авторитету. Так, например, баронесса Крюденер, имевшая некоторое время влияние на Александра I, в своем письме к князю А.Н. Голицыну от 16 марта 1822 г., подкрепляя свои мысли, восклицает: “Dieu seul est grand, mes frères! Disait Bossuet” («Один Бог велик, мои братья! Говорил Боссюэ!»)²⁰.

Перевод трактата был издан в 1802 г. под названием «Политика из самых слов Священного Писания почерпнутая Иаковом Бенгином Боссюетом». Напечатан трактат был «по высочайшему повелению в Санкт-Петербурге в Императорской Типографии». В посвящении говорится об адресате: «Его Императорскому Величеству Всепресветлейшему Державнейшему Великому Государю Императору Александру Павловичу Самодержцу Всероссийскому всепод-

¹⁹ *Bossuet J.B. Politique tirée des propres paroles de l'Écriture sainte à monseigneur le Dauphin / Ouvrage posthume de Messire Jacques-Benigne Bossuet, év. Paris, 1709. 614 p.*

²⁰ Император Александр I. Опыт исторического исследования. Т. 2. СПб., 1912. С. 244.

данейшее приношение»²¹. Автор перевода, священник Иоанн Иоаннов (Иван Иванович Бедринский), известен также как переводчик богословских трактатов, впоследствии член Российской Академии и Вольного общества любителей российской словесности, протоиерей Казанского собора. В посвящении Бедринский, на тот момент священник Морского Богоявленского собора, пишет: «Я последний Вашего Императорского Величества верноподданный перевел сию книгу на Российский язык в пользу народную, и Августейшему имени Вашего императорского Величества осмеливаюсь посвятить». Особо подчеркивается, что перевод выполнен «из чувства долга и истинной преданности верноподданного в охранении чести и здоровья своего Государя, хотя бы то стоило и самой жизни». Указывается, что в сочинении Боссюэ «изображено на основании Божественного Писания все то, что требует от них Вышний Правитель вселенная в отношении Самодержавнейшей Власти»²². Трактат выходит на следующий год после воцарения Александра I, что, возможно, не является случайностью, поскольку в новом императоре видели просвещенного государя. Вместе с тем, образованные слои в начале XIX в. читали и говорили по-французски, поэтому сам по себе перевод не мог вызвать у них интереса. Однако, по словам Ю.М. Лотмана, наличие русского перевода в условиях, когда практически все потенциальные читатели владели французским языком и могли читать интересующие их сочинения в оригинале, является свидетельством «определенного признания, утверждения ценности текста в глазах русского общества»²³.

Поэтому неудивительно, что история перевода «Политики» не закончилась только изданием данного трактата на русском языке с обращением к государю. В 1802 г. И.И. Бедринский подал прошение на имя министра народного просвещения графа П.В. Завадовского с просьбой ввести перевод «Политики» в качестве учебного пособия в программу народных училищ²⁴. Прошение было передано для рассмотрения и составления комментария Федору Ивановичу Янковичу де Мириево, известному российскому педагогу, члену Академии наук, который в 1802 г. вошел в комиссию об училищах. В своем прошении Бедринский пишет о пользе выполненного им перевода для подрастающего поколения: «...от смиренномудренного и нели-

²¹ Боссюэ И.Я. Политика из самых слов Священного Писания почерпнутая. СПб., 1802. 308 с.

²² Там же [б/с].

²³ Лотман Ю.М. Руссо и русская культура XVIII — начала XIX века // Лотман Ю.М. История и типология русской культуры. СПб., 2002. С. 383.

²⁴ РГИА. Ф. 9. Оп. 1. Ед. хр. 109. Л. 2–3.

цемерного послушания верховной власти зиждется благоденство народа; а потому необходимо нужно впечатлить подданным, дабы они руководимы были таковыми внушениями Святого Духа для возвышения и утверждения собственного их благополучия»²⁵.

В ответ Янкович в комментарии указывает, что «книга будет для наших училищ по некоторым обстоятельствам лишняя, а по другим и совсем не у места. — Лишняя, потому что полтора листа только примеров ея, годных для наших училищ, обработано уже у нас в Книге о должностях Человека и Гражданина и лучше и порядочнее; а совсем не у места потому, что по большей части Книги сей дается прямо Государям наставления без всякой разборчивости в выражениях, как на странице 118 по 258, ладно, что в предмет наставления в наших училищах не входит»²⁶. Такая реакция на представленный перевод неслучайна. Обращение к мудрости монарха, надежды, связанные с Александром I и его правлением имплицитно присутствовали в переводе. Однако в целом дискурс трактата был абсолютистский и довольно консервативный, что в условиях либерализации политического режима в самом начале царствования Александра I было неактуально. С одной стороны, либеральное общество ожидало перемен. С другой стороны, более консервативная его часть явно тяготела к формированию новых политических концепций, которые имели бы исключительно русскую природу, были написаны на русском языке и в российских политических традициях. Фактически «Политика» появляется в момент, когда уже начала готовиться почва для знаменитого спора западников и славянофилов, и содержит в себе противоречия формирующейся российской политической мысли.

«Политику» Бедринского можно рассматривать как пример лавирования между общественными настроениями, поскольку сам по себе факт перевода трактата с французского языка означает обращение к французской политической традиции и признание ее значения. Вместе с тем, трактат Боссюэ — апология абсолютной монархии, которую Бедринский пытается переложить на российские политические реалии.

В целом трактат Боссюэ написан в русле французской политической традиции. Идеи, которые воспроизводит автор, а вслед за ним и переводчик, не новы. По сути, и структура трактата, и формулировка политических концептов отсылает к политической традиции, например, трактатам Жана Бодена. Но при этом фактически единственный источник, на который ссылается Боссюэ — это Библия.

²⁵ Там же. Л. 2.

²⁶ Там же. Л. 4–5.

Как пишет К. Осповат: «Псалтырь, наряду с другими библейскими книгами была естественным источником священной легитимации единовластия. Трактат Боссюэ — выстроенная на библейских цитатах апология неограниченной монархии — венчался словами: “Нет ничего превосходней для окончания сего труда, как вложить в руки благочестивым владетелям псалмы Давидовы”»²⁷. Это интересно, поскольку в ссылках на Библию проявляется и особенность политического языка Бедринского.

Каждое суждение (proposition) у Боссюэ имеет небольшую авторскую часть, а на 60–70% состоит из цитаты. Лексика данных цитат не отличается от авторского языка самого Боссюэ, что дает возможность предположить, что епископ сам переводил цитаты на современный ему французский язык. В переводе же Бедринского используются цитаты из Елизаветинской Библии 1751 г., редакции церковнославянской Библии, которая по лексике отличается от нормы русского языка конца XVIII — начала XIX в., поэтому русский текст в целом выглядит архаичнее французского оригинала.

Перевод Бедринского вбирает в себя все приемы перевода политических понятий, характерных для XVIII — начала XIX в. Присутствует прямое калькирование с французского языка, как, например, в случае с понятием “l’anarchie” / «безначалие». Транслитерация в самом названии трактата «Политика» и при перечислении форм правления — аристократии, демократии. Понятие «нация» упоминается несколько раз, но в основном заменяется понятием «народ». Калькированное понятие «тиран» звучит лишь в первой главе. Есть примеры архаизации терминологии: “la souveraineté” / «владычество». Также Бедринский пользовался модернизированными терминами, которые были в ходу на рубеже веков. Многим общеупотребимым французским понятиям переводчик постарался найти русскоязычный эквивалент либо привести пространное объяснение: “l’autorité”, “la puissance”, “l’empire” / «власть»; “le gouvernement paternel”, “la puissance paternelle” / «отеческая власть»; “le pays”, “la patrie” / «отечество»; “le bonté” / «благость»; “Souverain” / «верховный обладатель»; “bien publique” / «общественная польза», «общественное благо», «всеобщее благоденствие»; “la nation”, “le peuple” / «народ». Интересно, что многие из данных понятий к концу XVIII в. уже имели устоявшееся значение, как, например, термин “état” — «государство». Однако Бедринский продолжает смешивать “état”, “république” и “empire”, переводя их все как «государство». Поэтому необходимо констати-

²⁷ Осповат К. А. Придворная словесность: институт литературы и конструкции абсолютизма в России середины XVIII века. М., 2020. С. 209.

ровать, что многие архаичные формы политических понятий соседствовали с устоявшимися модернизированными формами²⁸.

Итак, если перейти к анализу центральных понятий в политической теории Боссюэ, то можно выделить основные его концепты.

Во-первых, это концепция власти. Боссюэ в своих рассуждениях о власти следует традиционной для средневековой политической мысли идее о том, что всякая власть проистекает от Бога, а первой властью была отцовская власть (*"le premier empire parmy les hommes est l'empire paternel"*) (Р. 60–63)²⁹. От нее проистекает и власть мужа над женой и домочадцами. При этом Боссюэ выходит за рамки, в том числе характерного для французской политической мысли, взгляда на отцовскую власть, который был закреплён, например, римским правом как власть домовладыки над домочадцами.

Говоря о власти, Боссюэ фактически опирается на теорию суверенитета, разработанную его предшественником Боденом, не уделяя ей особого места: основные признаки суверенитета присутствуют в тексте в разных местах. Для европейской традиции понятие «суверенитет» к концу XVII в. было уже общим местом. Для обозначения суверенитета Боссюэ использует понятие *"l'empire souverain"*.

В пассаже об абсолютности власти государя Боссюэ доказывает это, определяя четыре существенных качества королевской власти (*"l'autorité royale"*): королевская власть священна, она патриархальна (*"paternelle"*), абсолютна и подчинена разуму (*"soumise à la raison"*) (Р. 81).

Вторым этапом установления власти Боссюэ считает власть королей, учреждаемую с согласия народов или с помощью оружия: *"Il s'établit pourtant bien-tôt des roys, ou par le consentement des peuples"* (Р. 63) / «Вскоре потом возникают Цари согласием народа» (С. 82)³⁰. Также в другом месте у Боссюэ мы видим следующее: *"l'act en est dressé au nom des prêtres, de tout le peuple, des grandes, & des senateurs: Qui consentirent à le faire prince"* (Р. 63) / «Акт сей писан от имени священников, всех людей, вельмож и старейшин, которые согласились принять его Царем» (С. 83). Первый способ установления верхов-

²⁸ Плавинская Н. Политическая лексика в русских переводах Монтескье и Беккариа. С. 203.

²⁹ Bossuet J. B. Politique tirée des propres paroles de l'Écriture sainte à monseigneur le Dauphin / Ouvrage posthume de Messire Jacques-Benigne Bossuet, év. Paris, 1709. Здесь и далее ссылки на трактат Боссюэ даются по этому изданию в тексте статьи, в скобках, с указанием страниц.

³⁰ Боссюэ И. Я. Политика из самых слов Священного Писания почерпнутая. СПб., 1802. Здесь и далее ссылки на перевод Бедринского даются в тексте статьи, в скобках, с указанием страниц.

ной власти описывается как договорной. Такой взгляд, в целом, был также характерен для европейской политической мысли XVII в. и имеет длительную историю формирования и эволюции.

Идея «общего блага» — важная для понимания западноевропейской политической мысли — появляется у Боссюэ в третьей книге вместе с вопросом о добродетелях государя (*le bonté* – «благость»): “*Les rois doivent respecter leur propre puissance, et ne l’employer qu’au bien public*” (Р. 87) / «Государи уважают собственное свое могущество и употребляют оное токмо для общественного блага» (С. 118). Боссюэ использует термин “*bien public*”, который является традиционным для французского политического языка. Само понятие «общего (общественного) блага» у Боссюэ не раскрывается. Если сравнивать, например, с традицией формирования понятия “*bien public*” во Франции, то можно сказать, что здесь не фигурирует народ как субъект. «Общее благо» в интерпретации Боссюэ это, скорее, подчинение и почитание Бога. В параграфе, посвященном сравнению королевской власти с властью отца, у Боссюэ есть пассаж о “*la puissance publique*” — «публичном могуществе», или «общественном могуществе» (Р. 89). Фигура самого монарха рассматривается как публичная фигура: “*C’est un personnage public né pour le bien de l’univers, ce qui aussi est la veritable grandeur*” (Р. 92), а сами государи должны доставлять «благо народу» (С. 126).

Интересный пассаж появляется у Боссюэ, когда он пишет следующее: “*Il n’y a que les ennemis publics, qui separent l’interêt du prince de l’interêt de l’état*” (Р. 249) / «Одни только общественные враги отделяют пользу Государя от Государства» (С. 260). Опираясь на Священное Писание, Боссюэ рассуждает о том, что враги Государя — это враги Государства. Государь в представлении Боссюэ — это выражение “*bien public*” (общего, общественного блага) (Р. 251, 263). Государство и общее благо, таким образом, персонализируются. Неудивительно, что смерть государя воспринимается как общественное несчастье (Р. 253, 256).

Подданный, по мысли Боссюэ, должен отдавать дань (“*le tribute*”) государю (Р. 260, 267) — часть имущества для поддержания общественных тягостей (“*les charges publiques*”). Проще говоря, речь идет о налоговом бремени.

В переводе Бедринского мы не находим термина «суверенитет», он просто калькирует это понятие, переводя как «верховная власть» либо архаизированное «владычество». Вместе с тем, сам термин «владычество», который использует Бедринский, имеет русскую этимологию и прекрасно отражает смысл идеи полной власти. Бедринский переводит выражение “*L’empire de Dieu est absolue*” (Р. 58)

как «Владычество Божие неограниченно» (С. 121). Здесь “l’empire” представляется не в качестве формы правления или обозначения термина «государство», а как эквивалент верховной власти и суверенитета.

Бедринский очень бережно относится к тексту трактата Боссюэ. Примером этому может служить перевод пассажей о теории общественного договора, которые были представлены выше. Они переведены практически дословно. Перевод же понятия “bien public” Бедринским как «всеобщее благоденствие» (С. 121) более приемлем, чем изначальное древнеримское представление об «общем деле», поскольку смысл термина “res publica” и “bien public” сильно трансформировался к XVII в., не говоря уже о конце XVIII в. Речь и у Боссюэ, и в переводе идет о благополучии народа, обеспеченном государем или государством.

Также можно видеть использование понятия “la bonté” (добро, благо), которое Бедринский передает как «благость». В частности, когда переводчик употребляет понятие «благость» в отношении государя, то можно это трактовать как «добродетель» государя. Боссюэ пишет о том, что государь должен думать более всего о незащищенных: вдовах и сиротах (Р. 93). Такой пассаж перекликается с представлением об обязанностях государя, например, у Бодена, который считает, что государь обязан охранять сирых и убогих.

Перевод Бедринского ограничивается четырьмя книгами трактата Боссюэ. Остальные шесть книг остаются за пределами русского издания, поскольку содержание этих книг, как мы увидим ниже, было излишним в образовании студентов народных училищ. Отсутствие некоторых сюжетов характеризует общественно-политический контекст времени выхода трактата в свет: рубежной эпохи, с ее ожиданиями как консервативной, так и либерально настроенной общественности.

Одним из существенных вопросов, не нашедшим отражение в переводе, был вопрос о престолонаследии. В трактате Боссюэ наследственная монархия рассматривается как лучшая форма правления (Р. 71), что у Бедринского переводится как «лучшее Самодержавное правление» (С. 95). Боссюэ трактует наследственное правление как ситуацию, когда престол «переходит от мужчины к мужчине и от старшего к старшему» (“quand elle va de mâle en mâle, et d’aîné en aîné”) (Р. 71). В переводе данного пассажа нет, поскольку, если во Франции женщины не могли занимать престол, согласно Салическому закону, то в России такого ограничения не было, и данный пассаж был лишним и неуместным. Соответственно, в тексте перевода отсутствует абзац о передаче престола по старшинству между братьями, кото-

рый есть в оригинальном тексте Боссюэ (Р. 71). Это подтверждается полным исключением 11-го параграфа в книге, озаглавленного: «Это новое преимущество в исключении женщин из наследования» (Р. 75). Он отсутствует в русском переводе.

Еще одним исключенным из перевода вопросом является вопрос о тирании. В одном из параграфов Боссюэ говорит о государе-тиране, Бедринский же опускает упоминание о тиране, оставляя более лаконичную, сокращенную формулировку: “Le vray caractere du prince, est de pourvoir aux besoins du peuple; comme celui du tyran, est de ne songer qu’à luy-même” (Р. 97) / «Истинное свойство Государя отвращать нужды народные, а не о себе токмо пе щися» (С. 133).

Параграфа, озаглавленного у Боссюэ «Государь, бесполезный для блага народа, наказывался также сильно, как тираничный злодей» (Р. 97), также нет в русском переводе. У Бедринского отсутствует и параграф о том, что «государь, которого все ненавидят, всегда находится на грани гибели» (Р. 115). Переводчик сразу переходит к параграфу о том, что государь должен быть кратким (С. 162).

Третьим вопросом, не получившим должного освещения в тексте Бедринского, стал вопрос об обучении государя. Глава о том, что государь должен учиться мудрости (Р. 165), не включена в русский перевод, несмотря на то, что в книге Боссюэ занимает почти семьдесят страниц. Боссюэ рассуждает о мудрости государя, о знании им заповедей Божьих и о том, что государь должен учиться мудрости и сделать обучение необходимой для себя вещью, на нескольких страницах автор рассуждает о том, каким именно должно быть его обучение. Государь должен знать не только законы, но и дела, причину и следствие разных событий, должен знать людей и самого себя, что происходит внутри и вне его королевства, должен уметь говорить, но и уметь молчать, потому что тайна — это душа совета, государь должен уметь предвидеть, а также быть способным выбирать своих министров. И затем на протяжении почти пятидесяти страниц Боссюэ рассказывает о средствах достижения этих знаний и дает наставления дофину: любить истину, быть внимательным, не пренебрегать советом и давать свободу своим советникам, выбирать самостоятельно свой совет, слушать и быть информированным, быть осторожным и наказывать за ложные сообщения, сверять свои действия с прошлыми событиями, принимать самостоятельно решения, избегать излишней утонченности, избегать курьезов и суеверий и довериться Богу (Р. 166–188).

Можно предположить, что Боссюэ, наставник дофина, в этой главе дает личные советы своему воспитаннику, будущему монар-

ху великой державы. Перевод «Политики», по мысли Бедринского, должен быть стать учебником для народных училищ, и наставления государю являются безусловно лишними для студентов. Кроме того, Бедринский не обладал статусом и возможностью давать наставления государю Александру I, а также учитывал, что Александр Павлович был уже не наследником, а императором, и поэтому опустил эту главу.

По вполне понятным причинам вопрос о сопротивлении государю также отсутствует в русском переводе. Лишь один параграф нашел место в переводе: *“Les sujets n'ont à opposer à la violence des princes, que des remontrances respectueuse, sans mutinerie, et sans murmure, et des prieres pour leur conversion”* (Р. 270) / «Сопротивление государю недопустимо — насилию государей подданные могут только противоболать почтительные представления без упрямства, ропота и молитвы об их обращении» (С. 292). При этом Боссюэ приводит примеры из Священного Писания (Р. 275–284). Думается, Бедринский решил не переводить этот сюжет, так как еще были свежи в общественном сознании примеры свержения и убийства законных монархов — Петра III и Павла I.

Подводя итоги, следует заключить, что фактически перевод Бедринского преследовал двоякие цели: довести сказанное в тексте до императора Александра I и быть полезным в воспитании новых подданных государя. В этом случае мы можем констатировать, что целей своих переводчик не достиг. Перевод остался незамеченным среди других работ, выходивших на рубеже XVIII–XIX вв., возможно, был просто забыт после комментария де Мириево как ненужный и неактуальный.

В целом необходимо отметить, что русская общественность в конце XVIII — начале XIX в. была настроена не только на либерализацию. Поэтому деятельность И.И. Бедринского в качестве переводчика текста Боссюэ хорошо объясняется «консервативным» поворотом в русской общественно-политической мысли, который, между прочим, происходил одновременно с либерализацией части дворянства и высшего офицерского состава армии. В этом смысле перевод политического трактата Боссюэ не отвечал целям ни тех, ни других общественно-политических сил.

Если говорить о языке перевода, то он является очень близким к оригиналу. Политическая лексика «Политики» свидетельствует о достаточной степени разработанности российского понятийного аппарата в области политической теории, поскольку наряду с небольшим количеством калькированных терминов переводчик подбирает

эквиваленты и использует как архаические формы, так и модернизированные термины. Это свидетельствует о том, что несмотря на стремление автора перевода к языковому пуризму, он идет по привычной для российских переводчиков стезе, подбирая и переосмысляя термины. Кроме того, к началу XIX в. российское просвещенное общество уже было знакомо с трудами французских и английских просветителей и защитников монархии. Многие политические реалии, отсутствовавшие в российском обществе, перестали быть чем-то необычным для российского читателя. Этому способствовали не только политические, социальные и культурные изменения в стране, но и тот опыт, который получала просвещенная публика при чтении зарубежной литературы — в оригинале и в переводах.

Вместе с тем, перевод «Политики» является яркой демонстрацией того, что переводчик стал отчасти соавтором работы, поскольку многие «неудобные», «неподходящие» по смыслу или по идейно-политическим соображениям сюжеты были опущены. Здесь очень хорошо виден контекст создания перевода и особенности интерпретации Бедринским политических понятий и тем. Однако даже в таком, сокращенном, виде идеи Боссюэ показались ненадлежащими для их использования в обучении студентов народных училищ. Поэтому тезис о том, что причинами сокращения Бедринским самого сочинения в переводном виде стало, в том числе, несоответствие некоторых идей российской политической и идеологической реальности того времени, представляется вполне правдоподобным. Перевод трактата Боссюэ остался любопытным антикварным казусом в российской интеллектуальной истории.

References

Bugrov K.D., Kiselev M.A. *Respublikanskaya ideya v Rossii v vek Prosveshcheniya* [The Republican Idea in Russia during the Enlightenment] // *Res Publica. Russkiy respublikanizm ot Srednevekov'ya do kontsa XX veka: kollektivnaya monografiya* [Res Publica. Russian Republicanism from the Middle Ages to the Late 20th Century: A Collective Monograph] / Ed. by K.A. Solov'yev. Moscow: Novoye literaturnoye obozreniye, 2021. P. 311–398.

Bugrov K.D., Kiselev M.A. *Yestestvennoye pravo i dobrodetel': integratsiya yevropeyskogo vliyaniya v rossiyskuyu politicheskuyu kul'turu XVIII veka* [Natural Law and Virtue: Integration of European Influence in the 18th-Century Russian Political Culture]. Yekaterinburg: Izdatel'stvo Ural'skogo universiteta; Universitetskoye izdatel'stvo, 2016. 480 p.

Imperator Aleksandr I. Opyt istoricheskogo issledovaniya [Emperor Alexander I. An Attempt at Historical Research]. Vol. 2. Saint Petersburg: Ekspeditsiya zagotovleniya gosudarstvennykh bumag, 1912. 745 p.

Istratiy V.V. *Yuridicheskaya leksika v russkom yazyke vtoroy poloviny XVIII veka (na materiale perevoda traktata U. Blekstona "Istolkovaniya aglinskikh zakonov")*

1780–1782 gg.): *diss. ... kandidata filologicheskikh nauk* [Legal Lexicon in the Russian Language in the Second Half of the 18th Century (Based on the 1780–1782 Translation of William Blackstone's *Commentaries on the Laws of England*): PhD Candidate in Philology Diss.]. Saint Petersburg: Institut lingvisticheskikh issledovaniy RAN, 2017. 454 p.

Kiselev M. *Adaptatsiya antiabsolyutistskogo monarkhizma v Rossii v pervyye dve treti XVIII veka* [Adaptation of Anti-Absolutist Monarchism in Russia in the First Two-Thirds of the 18th Century] // *Laboratoriya ponyatiy: perevod i yazyki politiki v Rossii XVIII veka: kollektivnaya monografiya* [Conceptual Laboratory: Translation and the Languages of Politics in 18th-Century Russia: A Collective Monograph] / Ed. by S.V. Pol'skiy i V.S. Rzhutskiy. Moscow: Novoye literaturnoye obozreniye, 2022. P. 339–375.

Kruglov V.M., Istratiy V.V., Gamirova D.R., Kaplan E.D. *Normativno-stilisticheskiye pomety v tolkovykh akademicheskikh slovaryakh russkogo yazyka* [Normative and Stylistic Markings in Explanatory Academic Dictionaries of the Russian Language]. Saint Petersburg: Nestor-Istoriya, 2015. 442 p.

Lotman Yu.M. *Rousseau i russkaya kul'tura XVIII — nachala XIX veka* [Rousseau and Russian Culture in the 18th and Early 19th Centuries] // Lotman Yu.M. *Istoriya i tipologiya russkoy kul'tury* [History and Typology of Russian Culture]. Saint Petersburg: Iskusstvo-SPB, 2002. P. 383–445.

Martin A. *Romantiki, reformatory, reaktionery. Russkaya konservativnaya mysl' i politika v tsarstvovaniye Aleksandra I* [Romantics, Reformers, Reactionaries: Russian Conservative Thought and Politics during the Reign of Alexander I]. Saint Petersburg: Academic Studies Press, 2021. 447 p.

Miller A.I., Sdvizhkov D.A., Schierle I. *"Ponyatiya o Rossii": k istoricheskoy semantike imperskogo perioda* ["Concepts of Russia": Towards the Historical Semantics of the Imperial Period] // *"Ponyatiya o Rossii": k istoricheskoy semantike imperskogo perioda* ["Concepts of Russia": Towards the Historical Semantics of the Imperial Period]. Vol. 1. Moscow: Novoye literaturnoye obozreniye, 2011. P. 5–46.

Offord D., Rjéoutski V.S., Argent G. *Frantsuzskiy yazyk v Rossii. Sotsial'naya, politicheskaya, kul'turnaya i literaturnaya istoriya* [The French Language in Russia: A Social, Political, Cultural, and Literary History]. Moscow: Novoye literaturnoye obozreniye, 2022. 888 p.

Ospovat K.A. *Pridvornaya slovesnost'. Institut literatury i konstruktssii absolyutizma v Rossii serediny XVIII veka* [Courtly Literature: The Institution of Literature and the Construction of Absolutism in Mid-18th-Century Russia]. Moscow: Novoye literaturnoye obozreniye, 2020. 480 p.

Plavinskaya N. *Politicheskaya leksika v russkikh perevodakh Montesquieu i Beccaria* [Political Lexicon in Russian Translations of Montesquieu and Beccaria] // *Laboratoriya ponyatiy: perevod i yazyki politiki v Rossii XVIII veka: kollektivnaya monografiya* [Conceptual Laboratory: Translation and the Languages of Politics in 18th-Century Russia: A Collective Monograph] / Ed. by S.V. Pol'skoy i V.S. Rjéoutski. Moscow: Novoye literaturnoye obozreniye, 2022. P. 196–215.

Pol'skoy S. *"Istyazaniye po natural'noy pravde": legitimatsiya nasiliya i stanovleniye ratsional'nogo politicheskogo yazyka v Rossii XVIII veka* ["Torture According to Natural Law": The Legitimation of Violence and the Formation of Rational Political Language in 18th-Century Russia] // *Kembridzhskaya shkola: teoriya i praktika intellektual'noy istorii* [The Cambridge School: Theory and Practice of Intellectual

History] / Compiled by T. Atnashev, M. Velizhev. Moscow: Novoye literaturnoye obozreniye, 2018. P. 409–483.

Pol'skoy S. *Rukopisnyy perevod i formirovaniye svetskogo politicheskogo yazyka v Rossii (1700–1760-ye)* [Manuscript Translation and the Formation of Secular Political Language in Russia (1700–1760s)] // *Laboratoriya ponyatiy: perevod i yazyki politiki v Rossii XVIII veka: kollektivnaya monografiya* [Conceptual Laboratory: Translation and the Languages of Politics in 18th-Century Russia: A Collective Monograph] / Ed. by. S.V. Pol'skoy i V.S. Rjéoutski. Moscow: Novoye literaturnoye obozreniye, 2022. P. 236–314.

Pol'skoy S., Rjéoutski V. *Perevod i razvitiye politicheskogo yazyka v Rossii XVIII veka* [Translation and the Development of Political Language in 18th-Century Russia] // *Laboratoriya ponyatiy: perevod i yazyki politiki v Rossii XVIII veka: kollektivnaya monografiya* [Conceptual Laboratory: Translation and the Languages of Politics in 18th-Century Russia: A Collective Monograph] / Ed. by. S.V. Pol'skoy i V.S. Rjéoutski. Moscow: Novoye literaturnoye obozreniye, 2022. P. 7–103.

Res Publica. Russkiy respublikanizm ot Srednevekov'ya do kontsa XX veka: kollektivnaya monografiya [Res Publica. Russian Republicanism from the Middle Ages to the Late 20th Century: A Collective Monograph] / Ed. by K.A. Solov'yev. Moscow: Novoye literaturnoye obozreniye, 2021. 824 p.

Velizhev M.B. *Chaadayevskoye delo. Ideologiya, ritorika i gosudarstvennaya vlast' v nikolayevskoy Rossii* [The Chaadaev Case: Ideology, Rhetoric, and State Power in Nicholas I's Russia]. Moscow: Novoye literaturnoye obozreniye, 2022. 392 p.

Velizhev M. *Yazyk i kontekst v russkoy intellektual'noy istorii: pervoye "Filosoficheskoye pis'mo" Chaadayeve* [Language and Context in Russian Intellectual History: Chaadaev's First Philosophical Letter] // *Kembridzhskaya shkola: teoriya i praktika intellektual'noy istorii* [The Cambridge School: Theory and Practice of Intellectual History] / Compiled by T. Atnashev, M. Velizhev. Moscow: Novoye literaturnoye obozreniye, 2018. P. 500–521.

Поступила в редакцию
6 января 2024 г.